

Ирвин Шоу

б и б л и о т е к а к л а с с и к и

Ирвин Шоу

Irwin Shaw

Две недели в другом городе
Вечер в Византии

Издательство АСТ
Москва

Две недели в другом городе

Могучие слоны обладают качествами, редко встречающимися у людей, а именно: целомудрием, сдержанностью, чувством справедливости, уважением к традициям. Когда нарождается молодой месяц, они идут к реке и тщательно моются в ней; поприветствовав таким образом планету, они возвращаются в леса.

Они очень стыдливы и спариваются только под покровом ночи, тайком; прежде чем вернуться в стадо, они моются в реке.

*Плиний в изложении
Леонардо да Винчи*

Глава 1

День был пасмурный, холодный, безветренный. К вечеру следовало ждать дождя. Из нависшей над аэропортом пелены доносился натужный рев невидимых самолетов. В ресторане уже горели огни. Самолет из Нью-Йорка опаздывал; диктор по-английски и по-французски объявил о тридцатиминутной задержке рейса Париж — Рим.

Обычное предотлетное ожидание неприятных сюрпризов усугублялось непогодой. Свет неоновых ламп придавал болезненный вид лицам раздраженных людей. Многие из присутствовавших в зале жалели о том, что предпочли самолет другим видам транспорта.

В углу ресторана, за столиком, украшенным, как и прочие, флажком одной из авиакомпаний, обслуживающих Орли, мужчина и женщина пили кофе, поглядывая на мальчика и девочку; дети прилипли к большому окну, выходящему на летное поле. Мужчина был крупным, с худощавым лицом. Его коротко подстриженные темные жесткие волосы, чуть тронутые сединой, заметной лишь вблизи, были зачесаны назад. Над глубоко посаженными голубыми глазами нависали густые брови; тяжелые набрякшие веки придавали ему облик отрешенного наблюдателя, холодного, бесстрастного зрителя. Движения его были медленными и осторожными, как у человека, рожденного для простора, но вынужденного долгие годы жить в тесноте. Его бледность объяснялась тем, что он всю зиму провел в городе. Похоже, ему с трудом удавалось сохранять маску

8 сдержанности и добродушия. Издали он казался бодрым, здоровым и преуспевающим.

Женщине на вид было чуть больше тридцати; строгий серый костюм подчеркивал ее фигуру. Короткие черные волосы были уложены в соответствии с требованиями последней моды, крупные серые глаза — умело подведены. Она сидела очень прямо, манеры были безукоризненными, каждое движение — отточенным, строгим, а голос — свежим, звенящим. Она была француженкой, парижанкой, и это проявлялось во всем; ее лицо, в котором угадывалась чувственность, свидетельствовало о решительности характера, умении тактично, незаметно управлять окружающими. Дети были хорошо воспитанными, ухоженными; на первый, не слишком пристальный взгляд семья казалась мечтой рекламного фотографа — взлетное поле залито солнечным светом, улыбки позирующих говорят о том, как приятно и безопасно путешествовать по воздуху. Но солнце не показывалось над Парижем уже шесть дней, неоновые светильники в ресторане придавали предметам гнетущие оттенки, и никто сейчас не улыбался.

Дети пытались очистить кусочек запотевшего мутного стекла, чтобы очертания самолетов, стоящих на бетонированной площадке перед ангарами и на взлетной полосе, не расплывались.

— Это «Виконт», — сказал мальчик, обращаясь к сестренке. — Турбовинтовой.

— «Вайкаунт», — поправил его отец. — По-английски это звучит так, Чарли.

Низкий, проникновенный голос мужчины гармонировал с его внушительной фигурой.

— «Вайкаунт», — послушно повторил пятилетний мальчуган.

По случаю отъезда отца он был одет в строгий костюм и держался с серьезностью.

Женщина улыбнулась:

— Не беспокойся. К совершеннолетию он научится не смешивать два языка.

Она говорила по-английски бегло, с легким французским акцентом.

Мужчина рассеянно улыбнулся ей. Он хотел от- правиться в аэропорт один. Он не любил долгих проводов. Но жена пожелала отвезти его на машине, взяв с собой детей. «Они обожают смотреть на самолеты», — сказала она, отстаивая свое предложение. Но мужчина подозревал иное — она, вероятно, надеялась на то, что в последнюю минуту, глядя на свою семью, он передумает и откажется от путешествия. Или что запечатлевшаяся в его памяти картина — хорошенькая мать и симпатичные малыши, прижавшиеся к ее юбке, — ускорит возвращение мужа.

Он допил горький кофе и с нетерпением взглянул на часы:

— Ненавижу аэропорты.

— Я — тоже, — отозвалась женщина. — Иногда. Я люблю встречать.

Подавшись вперед, она коснулась его руки. Догадываясь, что его шантажируют, он сжал ее кисть. «Господи, — подумал он, — что у меня за настроение».

— Я же ненадолго. Скоро вернусь.

— Не так уж и скоро, — возразила она. — Не так скоро, как хотелось бы.

— Когда я вырасту, — заявил Чарли, — я буду летать только на *avions a reaction*.

— На реактивных самолетах, Чарли, — автоматически поправил его мужчина.

— На реактивных самолетах, — повторил мальчик, не поворачивая головы.

«Я должен сдерживать себя, — подумал мужчина. — Он вырастет с сознанием, что я постоянно одергивал его. Он не виноват, что вечно вставляет французские слова».

— Я не могу упрекать тебя за то, — сказала жена, — что ты радуешься, убегая из Парижа в такую непогоду.

— Вовсе я не радуюсь, — возразил мужчина. — Мне приходится это делать.

— Конечно.

Он слишком хорошо знал ее, чтобы поверить в искренность этого «конечно».

— Речь идет о большой сумме, Элен.

10 — Да, Джек, — согласилась она.

— Не люблю самолеты, — сказала девочка. — Они уносят людей.

— Точно, — подтвердил мальчик. — Глупая. Для этого они и существуют.

— Не люблю самолеты, — повторила его сестренка.

— Это больше, чем мой четырехмесячный заработок, — заметил Джек. — Мы наконец-то сможем купить новый автомобиль. И съездить зимой в какое-нибудь приличное место.

— Конечно.

Джек снова отхлебнул кофе и посмотрел на часы.

— Жаль только, что необходимость в поездке возникла именно сейчас.

— Я ему нужен именно сейчас.

— Ну, в этом ты разбираешься лучше меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего особенного. Только то, что ты понимаешь ситуацию лучше меня. Я даже знакома-то с ним лишь по твоим рассказам. Правда...

— Что?

— Правда, если вы такие близкие друзья, как ты утверждаешь...

— Мы были ими.

— Были. Странно, что за все эти годы он ни разу не навестил тебя.

— Он впервые в Европе. Я же говорил тебе...

— Помню. Но он здесь уже шесть месяцев. И потрудился написать тебе лишь неделю назад...

— Если я стану все объяснять, мы утонем в дебрях прошлого.

— Папа... — Мальчик повернулся лицом к отцу. — Ты когда-нибудь был в горящем самолете?

— Да.

— И что произошло потом?

— Огонь потушили.

— Тебе повезло.

— Да.

Мальчик посмотрел на сестренку:

— Папа был в горящем самолете и не умер.

— Утром звонила Анна, — сказала Элен. — Она сообщила, что Джо огорчен твоим отъездом.

Анна была женой Джо Моррисона, начальника Джека. Элен дружила с ней.

— На прошлой неделе я предупредил Джо о том, что хочу взять короткий отпуск. Подошла моя очередь. Он не возражал.

— Но затем, узнав о предстоящей конференции, он сказал, что ты ему нужен, — заметила Элен. — Анна говорит, он отпустил тебя очень неохотно.

— Я обещал приехать в Рим. Там на меня рассчитывают.

— Джо тоже рассчитывал на тебя.

— Придется ему обойтись пару недель без меня.

— Тебе известно, какое значение Джо придает лояльности сотрудников? — спросила Элен.

Джек вздохнул:

— Да, мне это известно.

— Он переводил людей бог знает куда за менее значительные проступки, — напомнила Элен. — К следующему сентябрю мы можем оказаться в Анкаре, Ираке или Вашингтоне.

— В Вашингтоне, — с деланным ужасом произнес Джек. — О господи.

— Ты хочешь жить в Вашингтоне?

— Нет, — отозвался Джек.

— Когда мне исполнится восемнадцать лет, — заявил мальчик, — я пересеку *la barriere de son**.

— Я хочу сказать тебе кое-что, — произнесла Элен. — Ты вовсе не огорчен отлетом. Я наблюдала за тобой последние три дня. Ты рад возможности уехать.

— Я рад возможности заработать, — поправил жену Джек.

— Дело не только в этом.

— Еще я буду рад помочь Делани, — добавил Джек. — Если окажусь в силах, конечно.

— И это еще не все.

---

* Звуковой барьер (фр.). — Здесь и далее примеч. пер.

12 На красивом лице Элен появилась грусть. Смирение и грусть, подумал он.

— Ты рад случаю покинуть меня. Нас. — Рукой, обтянутой перчаткой, Элен указала на детей.

— Послушай, Элен...

— Не навсегда. Я не то имела в виду. На время. Ради этого ты даже готов ухудшить отношения с Джо Моррисоном.

— Я не стану отвечать на это, — устало промолвил он.

— Знаешь, — продолжила она, — ты не спал со мной уже более двух недель.

— Вот почему я не хотел, чтобы кто-то провожал меня в аэропорту. Из-за таких вот разговоров.

— Кто-то, — сказала Элен.

— Ты.

— Прежде, — заговорила она ласково, сдержанно, без осуждения, — в последние полчаса перед отъездом ты любил меня. Когда все чемоданы уже собраны. Ты это помнишь?

— Да, помню.

— Мне больше нравится «Эр Франс», — сказал мальчик. — Голубой — цвет скорости.

— Ты еще любишь меня? — негромко спросила Элен, подавшись вперед и заглянув мужу в глаза.

Джек посмотрел на нее. Его рассудок признавал, что она очень красива. У Элен были крупные серые глаза, высокие скулы и густые, подстриженные по-девичьи черные волосы. Но в этот миг он не любил ее. «Сейчас, — подумал Джек, — я не люблю никого. Разве что детей. Но это нечто инстинктивное. Хотя нет, не совсем инстинктивное». Из троих своих детей он любил только этих двух. Двух из троих. Вполне пристойное соотношение.

— Конечно, люблю, — ответил Джек.

Она чуть заметно улыбнулась. У нее была прелестная, доверчивая улыбка.

— Возвращайся с лучшим настроением, — попросила Элен.

Диктор по-английски и по-французски пригласил пассажиров, летящих рейсом 804 Париж — Рим, пройти тамо-

женный досмотр. С чувством благодарности Джек оплатил счет, поцеловал детей, жену и направился к стойке. 13

— Желаю хорошо провести время, cheri*.

«Элен ухитрилась произнести это так, — подумал Джек, — словно меня ждет отпуск».

Пройдя досмотр, Джек направился по мокрому бетону к самолету. Пассажиры уже поднимались по трапу, держа в руках посадочные талоны, журналы, пальто, ручную кладь с наклейками авиакомпании.

Когда лайнер начал выруливать на взлет, Джек увидел в иллюминатор жену и детей; стоя возле ресторана, они махали руками, и их яркие пальто оживляли серый фон.

Он тоже помахал рукой, затем, откинувшись на спинку кресла, облегченно вздохнул. Все могло быть гораздо хуже, подумал Джек, когда самолет начал набирать скорость.

— Хотите чаю?

В голосе стюардессы звучала профессиональная приветливость.

— Что у вас за пирожные, моя дорогая? — спросила старушка, направляющаяся в Дамаск.

— С вишневым вареньем, — ответила стюардесса.

— Сейчас мы пролетаем над Монбланом, — раздался голос в динамике. — Справа вы можете увидеть вечные снега.

— Мне, пожалуйста, одно пирожное и бурбон со льдом, — сказала маленькая старушка.

Она сидела слева и не стала подниматься из кресла, чтобы посмотреть на вечные снега.

— Славный получится полдник, — добавила она и захихикала. На высоте двадцати пяти тысяч футов она была способна на поступок, на который никогда не решилась бы у себя дома, в Портленде, штат Орегон.

— А вы что-нибудь хотите, мистер Эндрюс?

Стюардесса улыбнулась, склонив голову в сторону Монблана.

— Нет, спасибо, — ответил Джек.

---

* Дорогой (*фр.*).

14 Он хотел виски, но когда маленькая старушка попросила бурбон, Джек внезапно испытал отвращение к любой пище, принимаемой в самолете.

Джек посмотрел вниз на белую вершину Монблана; она лежала среди облаков в окружении других, менее высоких пиков. Внизу медленно проплывали Альпы; вершины, отбрасывающие четкие синие тени, сменяли одна другую, а над ними висело громадное круглое солнце. Казалось, снова наступил ледниковый период.

Джек задернул шторку, откинулся назад, вернувшись мыслями к событиям, из-за которых он оказался в этом самолете. Из газет он давно знал о том, что Морис Делани находится в Риме; последние пять-шесть лет Джек не получал от него писем. Неделю назад, услышав в телефонной трубке на фоне помех голос Клары, жены Делани, звонившей из Рима, Джек удивился.

— Морис сейчас не может подойти к аппарату, — сказала Клара, когда закончился обмен первыми, ничего не значащими фразами, — он все объяснит в письме. Он просит тебя поскорее приехать сюда, Джек. Он говорит, что ты — единственный человек, способный помочь ему. Морис в отчаянии. Здешние люди доводят его до безумия. Он заставил их назначить тебе гонорар в пять тысяч долларов — это достаточно за две недели?

Джек рассмеялся.

— Почему ты смеешься?

— Не обращай внимания, Клара.

— Он очень надеется на тебя, Джек. Что мне сказать ему?

— Я сделаю все от меня зависящее, чтобы приехать. Завтра телеграфирую ответ.

На следующий день, договорившись с Моррисоном, Джек послал телеграмму в Рим.

В письме, полученном Джеком, Делани излагал свою просьбу. Джеку дело показалось незначительным; его легкость не соответствовала вознаграждению в пять тысяч долларов. Несомненно, это приглашение связано с другими, более важными причинами, подумал Джек. Однако Делани не торопился их раскрывать.

Откинувшись с комфортом на спинку кресла 15 в салоне первого класса — билет оплачивала кинокомпания, — Джек с наслаждением ощутил, что на две недели ему удалось убежать от однообразия своей работы и семейной жизни.

Он радовался предстоящей встрече с Делани, который в прошлом был его лучшим другом. Джек любил его. «Люблю», — поправил он себя. Работа, связанная с Морисом, не могла быть скучной и однообразной.

Джек расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, задев при этом рукой толстый конверт, торчавший из нагрудного кармана, на его лице появилась гримаса раздражения. Лучше сделать это сейчас, решил он. В Риме у него не будет свободного времени.

Джек вытащил из кармана письмо, которое за последние два дня уже прочитал трижды. Прежде чем снова взяться за него, он уставился на конверт с адресом, выведенным неестественно красивым почерком его первой жены. «Из трех жен, — подумал Джек, — две доставляют мне хлопоты. Две из трех. Устойчивое соотношение». Вздохнув, он вынул письмо из конверта и принялся читать.

«Дорогой Джек!

Представляю, как ты удивишься, получив мое письмо после столь продолжительного молчания, но речь идет о деле, которое касается или должно касаться тебя в той же мере, что и меня, поскольку Стив — не только мой сын, но и твой тоже, хотя все эти годы ты не слишком интересовался им; ты не можешь оставаться *совершенно* безучастным к тому, как он распоряжается своей жизнью».

Дойдя до отмеченного слова, Джек снова вздохнул. Стиль его первой жены не улучшился за прошедшие годы.

«Я сделала все зависящее от меня, чтобы повлиять на Стива, и в результате оказалась на грани нервного срыва. Уильям, неизменно более любящий, корректный и терпимый в отношении Стива, чем большинство знакомых мне настоящих отцов, также всячески пытался воздействовать